

Т Е Н Ь Л О Г О В А

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ТЕНЬ ЛОГОВА»:**

Взгляд со дна

Шаги в пустоте

Сгоревшая жизнь

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**СГОРЕВШАЯ
ЖИЗНЬ**

**МОСКВА
2023**

УДК821.161.1-31
ББК82(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

В коллаже на обложке использована иллюстрация:

© d1sk / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Сгоревшая жизнь / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-186688-4

Вернувшись в Москву, следователь Артур Логов и его юная помощница Саша Каверина мечтают вместе открыть собачий приют. Но череда жестоких убийств не дает им заняться благим делом. Преступления, с которыми они сталкиваются, настолько чудовищны, что кажется, их может совершить только психически нездоровый человек. Чтобы остановить его, Артур и Саша готовы на все, хотя понимают, что ходят по краю...

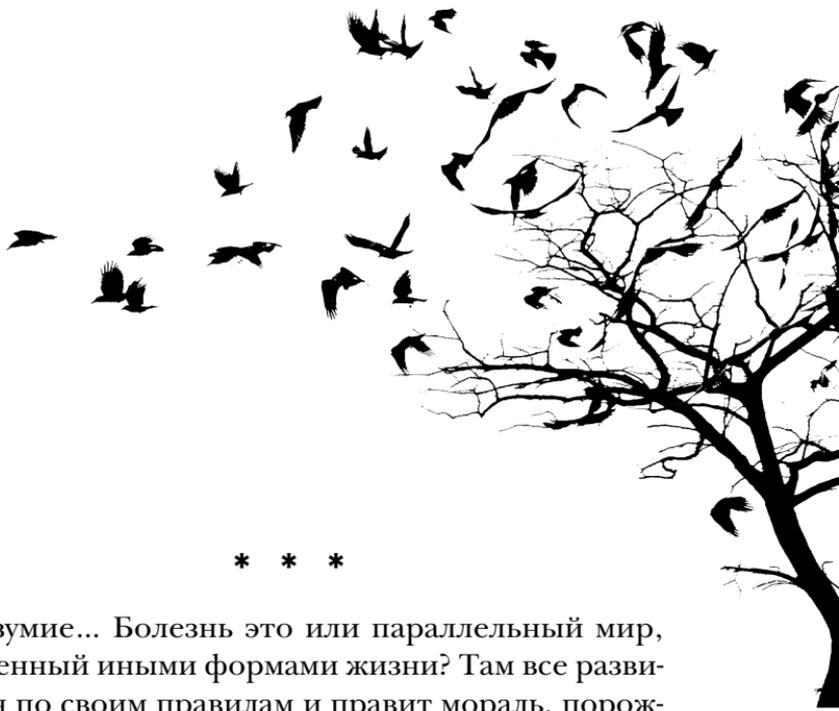
УДК 821.161.1-31

ББК 82(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186688-4

* * *

Безумие... Болезнь это или параллельный мир, населенный иными формами жизни? Там все развивается по своим правилам и правит мораль, порожденная больным мозгом, считающим ее безупречной, единственно возможной.

На реальность обычных людей безумие ложится прозрачной пленкой, зачастую незаметной стороннему взгляду, но при этом искажает все абсолютно. Недопустимое становится возможным, уродливое — прекрасным. Убийство видится высшим проявлением любви, ведь совершается во имя...

Как угадать человека, лишившего других жизни, в толпе, если на нем маска нормальности? Кто из людей трезвомыслящих в состоянии уловить логику безумца и указать пальцем: «Вот он!»? Да и способен ли понять ее мозг не менее воспаленный, но имеющий иную природу?

В народе говорят проще: «Каждый по-своему с ума сходит». И в этих словах таится та самая серьезная правда, с которой не поспоришь. Каждый корчится в своем адском пламени...

Пухлая рябь облаков с холодноватыми голубыми прожилками напоминает о скорой зиме, хотя еще сентябрь и огненные клены помогают оживать и даже улыбаться на ходу. Я гоню себя из дома, чтобы не оконечить в одиночестве. В нашей квартире жутко холодно, приходится кутаться, хотя она небольшая по московским меркам, а отопительный сезон уже начался. Без мамы прогреваются только комнаты, но не я...

Даже в Крыму я не впитала солнце в свое чахлое тельце, ведь нам с Артуром Логовым пришлось не отдыхать там, а расследовать убийство. И не одно... Конечно, дело распутывал он, я всегда на подхвате, но Артур твердит, будто без меня не справился бы. Он знает, как важно мне это слышать. Чувствовать, что кому-то я нужна в этом мире, где больше нет моей семьи...

Все, кто выходит из школы во взрослую жизнь, мечтают освободиться от родительской опеки, но я никогда не хотела, чтобы это произошло так буквально. Когда свобода достается ценой жизни близкого человека, она становится синонимом бесконечного одиночества.

Артур клянется, что не бросит меня замерзать в пустоте. Пытаясь развеять мои сомнения, он даже оставил на моей кухне почти литр самодельного крымского вина, которое купил у старика на берегу Розового озера. Прокопченный до черноты, дедочек сидел со своими бутылками на деревянном ящике на обочине пыльной дороги, а Логов притормозил рядом, чтобы уточнить, с какого берега вода розовеет во всю силу.

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— Да с любого! Выбирай что хочешь, — уверенно отозвался дед, сделав широкий взмах, точно пытался продать нам огромное озеро.

А когда Артур поблагодарил, застенчиво спросил:

— Вина не возьмешь? Вкусное.

— Возьму, — охотно согласился Логов. — На обратном пути.

Наверное, старик решил, что это отговорка и нашу машину он больше не увидит, но мы действительно вернулись к нему, вдоволь налюбовавшись розовым перламутром волшебного озера. И не только ради вина: Артуру понравилась расслабленность старика, восходящая к дзену, умиротворенная любовь к тому миру, крошечной частью которого он был и не желал ничего большего.

Артур купил самую большую бутылку, а дед с чувством спросил:

— Откуда такие хорошие люди?

— Из Москвы, — в голосе Артура прозвучала радостная гордость за родной город, которая меня позабавила.

У меня возникло опасение, что сейчас старик разочарует его, ведь жители других краев недолюбливают москвичей и обижаются на столицу, но тот лишь кивнул:

— Бывал. Лет сорок назад. А то и больше... Сильно изменилась, наверное?

— Сильно.

— Ну а как? — Старик степенно развел руками. — Жизнь течет... Это я вот тут как сидел, так и сижу.

По дороге Артур повторил:

— Как сидел, так и сижу... Он сказал об этом без сожаления, ты заметила? Это его кредо. Счастливый

мужик! Гонит свое винишко, смотрит на красивое озеро, перебрасывается фразами с людьми, которые спуют по миру... И не желает ничего другого.

А вино и вправду оказалось невероятно вкусным, Логов чуть волосы на себе не рвал оттого, что купил только одну бутылку! Мы попробовали его — Артур плеснул мне три капли! — уже в Москве, когда он доставил меня домой и потом завалился спать на диване в гостиной. Совсем как в тот расколовший мою жизнь день, когда убили маму и ему было страшно оставить меня одну. Несколько раз и после этого Логов оставался у меня, отчего старухи-соседки, наверное, с ума сходили, ведь его «Ауди» торчала под моим балконом на зависть всему двору. Пусть их пошлые домыслы останутся на их совести... Разве они знают хоть что-то о нас?

Он мгновенно уснул, а я вернулась на кухню и налила полный стакан вина. Даже если Артур заметит, насколько убавилось в бутылки, разве станет меня упрекать? Сам он просто не может себе позволить спаивать меня... Я выпила стоя — залпом. Не за чье-то здоровье и не поминая кого-то... Мне просто хотелось ненадолго ощутить ту небесную легкость, которую обещает опьянение. В конце концов, я уже совершеннолетняя, имею право... Хотя была бы жива мама, вряд ли мне захотелось бы этого, ведь с ней и так жилось легко. По крайней мере, не было горя, которое норовит сплющить тебя, как много-тонный пресс.

Вино не обмануло... Заволновалось сердце, смягчились мысли, поплыли медленно, наползая друг на друга, как медузы в морской волне. Поедем ли мы на море еще когда-нибудь?

На ослабевших ногах я кое-как добрела до дивана, на котором спал Артур. Его невероятное лицо казалось печальным, хотя днем он силился улыбаться, чтобы не огорчать меня. Когда мужчина, любивший твою маму, после ее смерти становится лучшим другом, можно ли считать это везением? Не думаю. Но мы сработались с ним и, хоть пока я так и не решилась стать его официальной помощницей в Следственном комитете, Логов как-то уладил с руководством, чтобы мое появление на месте преступления ни у кого не вызывало приступа ярости. И даже выплачивает мне «гонорар» как частному сыщику — мне ведь нужно на что-то жить...

Эти проблемы решила бы продажа особняка, доставшегося мне в наследство от отца, но мне просто до дрожи хочется организовать там собачий приют. В память о маме, с которой мы вместе заботились о бездомных бедолагах... Артур эту идею поддерживал — ему до сих пор не удалось забыть голубые глаза Моники, которую выгулял однажды, но не сумел приручить — эта собачка боялась всех просто панически и без конца оглядывалась на него с ужасом и мольбой: «Только не бей меня...»

Представляю, как разрывалось у него сердце!

* * *

Открыть зооприют оказалось не так-то просто... Оказалось, что нужна чертова куча разрешений, справок и прочей ерунды, в которой я совершенно не разбиралась, а Логову некогда было таскаться со мной по инстанциям. И он прикомандировал ко мне Никиту Ивашина, своего бывшего стажера, ко-

торый с сентября официально работал в Следственном комитете. Хотя я сразу поняла, что этот милый одноглазый парень (правда одноглазый!) разбирается в бюрократических препонах ничуть не лучше меня...

Зато ему не нужно было ничего объяснять о той странной жизни, которую я веду, ведь он расследовал с Логовым убийство моей семьи. Поэтому я даже обрадовалась тому, что рядом будет Никита, а не совершенно посторонний человек, не понимающий происходящего со мной.

Мы как раз и тащились с Никитой из очередной конторы через парк, почти пустой из-за внезапного похолодания, когда это все началось... По длинным аллеям рыжими мышками пробегали сухие листья, которые я невольно провожала взглядом, и вдруг Ивашин повернулся ко мне, как всегда немного чудно наклонив голову (левый глаз у него стеклянный), и улыбнулся совсем по-мальчишески:

— А давай похрустим?

Мне уже так хотелось есть, что я первым делом подумала о чипсах, но он помотал своей одуванчиковой головой — волосы опять отросли:

— Да нет, листьями!

— Ты серьезно? — вырвалось у меня. — Никитос, ты же вроде как уже дипломированный юрист... Серьезный человек.

— Я же не на работе, — возразил он. — Ну? Погнали?

Как такому дурачку отказать?

Мы протиснулись между облысевшими круглыми кустами и оказались на разноцветной полянке. Крупные бордовые и рыжие пятерни кленов захрустели

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

под нашими ногами громко и даже смачно, а березовые золотники робко вторили им. Конечно, Никита не мог знать, как любили мы с мамой бродить по осенней листве, прислушиваясь к шуршанию под ногами и болтая обо всем на свете. Мы верили, что так будет еще много лет...

А теперь со мной рядом с наслаждением печатал шаги парень, который ничего для меня не значил, но я пыталась делать вид, будто мне весело, хотя в носу щипало все сильнее. Осень всех осыпает моросью меланхолии, и у каждого второго комок в горле... Но в моем случае — это не просто настроение. Я учусь одиночеству, хотя Артур, а теперь и Никита по его приказу пытаются мне помешать. И все мы понимаем при этом, что в моей жизни они не задержатся надолго. Понянутся, пока сил хватит, и пойдут своими тропами.

Так и должно быть. Никто не обязан вечно спасать меня от тоски по маме, от пугающих теней, от давящей тишины в квартире... Это просто осень загоняет меня в угол, где ютятся призраки, еще недавно бывшие моей семьей. Нужно сорвать с лица ее липкую паутину, мешающую дышать, раздвинуть мокрые голые ветки, похожие на прутья решетки, и вырваться из своего горя в реальную жизнь.

Для того я и придумала этот собачий приют, где волонтерами станут женщины, сбежавшие от мужей-абыюзеров. Мама сказала бы: тиранов. Она терпеть не могла эти новомодные словечки: буллинг, моббинг, харассмент...

— Как ни назови, это остается психологическим насилием, — говорила она. — Чем понятнее звучит «буллинг»? Слово-то какое противное... Тошнотворное.

Сама она ни разу на моей памяти не применила ни жестокости, ни насилия. Наверное, Артур и припал к ней всем своим существом потому, что мама была не только красивым, но и самым добрым человеком в мире, а ему после ежедневной возни с убийцами необходимо очищать душу. Я не особо помогаю ему в этом... Зато от меня бывает польза в расследованиях. По крайней мере, он убеждает меня в этом. Лукавит?

— Ты не этим путем ходила в школу? — спросил Никита — отвлек меня, чем по замыслу Артура и должен был заниматься.

— А? — очнулась я. — Нет. Моя школа в другой стороне.

— Хорошая была?

Я пожала плечами:

— Обычная. Такого, как Артур вспоминает о своих друзьях детства, у нас не было. Хотя, может, у кого-то... Но не у меня.

— А что он вспоминает? — с жадностью спросил Никита.

Похоже, ему тоже не особо везло на школьных друзей...

— Ну, знаешь, эти классические эпизоды: походы, пикники, школьные танцы, песни под гитару... Тебе не кажется, что у их поколения все было как-то проще и веселее? Мои вот одноклассники все как один упирались в учебу. Разговоры сводились только к этому проклятому ЕГЭ, к репетиторам, проходным баллам...

— Все поступили из вашего выпуска?

— Понятия не имею.

Он даже остановился:

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— В смысле? Ты ни с кем не общаешься?

Чувствуя себя бездушным чудовищем, я покачала головой.

— Тебе вообще все люди по фигу? — уточнил Никита, глядя на меня как-то по-новому.

Но я возразила:

— Не все. Есть Артур. Ты, если уж на то пошло...

— Ну конечно, — пробормотал он. — Меня завтра пристрелят, ты и не вспомнишь.

— Вспомню, — заверила я. — Ты — единственный пират из моих знакомых. Как можно тебя забыть?

В первый момент он готов был обидеться, но тут же рассмеялся, сразу став тем солнечным мальчиком-одуванчиком, которым был, когда я увидела его впервые. Тогда его лохмы беззаботно торчали во все стороны! Логов заставил его постричься — работа в Следственном комитете обязывает... Сейчас они уже слегка отросли, но его голова все еще имеет вполне приличный вид. А в остальном Никита ничуть не изменился: тот же нежный овал лица, и чуть что — краснеет так же легко. Но держаться стал увереннее, наверное, логовской силой подпитался. Нам всем спокойнее, когда Артур рядом.

— Сашка, ты — еще тот кадр! — заявил Ивашин.

И я ничуть на это не обиделась.

Но Никита внезапно изменился в лице, заметив что-то за моей спиной. Обернувшись, я увидела компанию подростков, веселившихся и оравших на все голоса на детской площадке, где уже не было малышей. Один из ребят, в красной куртке, карабкался на мачту разноцветного металлического корабля, на которой болталось что-то белое, похожее то ли на косынку, то ли на парик, — мне никак не удавалось рассмотреть.

— Как бы не грохнулся, — пробормотал Никита.

И сглазил... Добравшись до верха, пацан сорвал то самое, белесое, повертел им у самого носа, разглядывая, и вдруг пронзительно завопил. Отшвырнув свою добычу, он резко откинулся назад и не удержался на мачте. Отчаянно замахал руками, попытался ухватиться за металлическую перекладину, но ладонь соскользнула, и мальчишка полетел вниз — даже не камнем, а распластанной в воздухе гигантской красной кляксой. Или лужей крови.

Я подумала об этом уже на бегу, пытаюсь догнать Никиту, прыгавшего через ограждения, стилизованные под разноцветные заборчики, которые были чуть выше колена. Каково бегать с одним глазом? Это же черт знает как страшно, наверное... Никогда не спрошу у него об этом — как можно?!

Друзья упавшего подростка оказались на кораблике первыми, но толку от них было мало — они топтались вокруг, с ужасом разглядывая его окровавленную голову. А упавший что-то силился сказать, приподнимая и снова роняя руку...

— Вызывай «Скорую»! — бросил Никита, сорвал с себя куртку и опустил рядом с пострадавшим на колени.

Пока я звонила и объясняла, что случилось, он подложил свернутую куртку мальчишке под голову, выудил откуда-то чистый носовой платок, прижал его к ране на затылке и скомандовал пацану, стоявшему ближе всех:

— Прижми. Надо забинтовать.

— Я?! — ужаснулся тот и попятился.

Но Никита гаркнул:

— Живо!

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

И мальчишка тут же плюхнулся на колени рядом с ним. А я подумала, что кое-чему помощник уже научился у Логова...

Бинтов, конечно, ни у кого с собой не было, и Никите пришлось пожертвовать свой шарф, чтобы замотать рану и остановить кровотечение.

— Что? — Он склонился к пострадавшему, который все время силился что-то сказать.

Потом оглянулся на меня. По крайней мере, правый глаз его выражал ужас:

— Сашка, посмотри там... Что это?

Он показывал на тот загадочный предмет, тускло белевший в рыжеватой листве, из-за которого пацан и сорвался с мачты. Мы же так и не поняли, что это было...

Внезапно мне стало страшно.

— Сейчас «Скорая» приедет, — пробормотала я, как будто это могло освободить меня от обязанности осмотра.

Но Никита уже отвернулся и заговорил с раненым, как я догадалась, чтобы тот не отключился. Приветливо улыбаясь, как будто принимал его в полную энтузиазма команду волонтеров, Ивашин выпытывал у него имя, возраст, адрес — все, что могло заинтересовать медиков. Хотя эти сведения могли сообщить и его приятели... Но нужно было держать мальчишку на грани сознания, и Никита с этим справлялся.

А мне оставалось заняться той белой штуковинной, которая до смерти (ну почти!) напугала мальчишку... Что это могло быть? Мои шаги становились все короче, мне до жути страшно было приблизиться к ней. Если уж подросток струхнул! А им же вообще все по барабану...

Собравшись с духом, я присела возле того, что смахивало на кусок пакли, которую обмакнули в деготь. Еще не понимая, с чем имею дело, я ощутила, как противно коснуться этого, и подняла сухую палочку, а уже ею подцепила «паклю». И...

Нет, я не заорала так, как тот пацан. Даже не взвизгнула и не откинула скаल्प в сторону. Да, это был человеческий скаल्प со светлыми длинными волосами. Мне показалось — настоящий. А если бутафорский, то выполненный очень правдоподобно. От него даже пахло кровью...

— Что там? — крикнул Никита, обернувшись ко мне.

Пугать остальных мальчишек не хотелось, поэтому я ответила:

— Надо позвонить Артуру.

Чтобы он понял, насколько все серьезно...

В тот же момент я услышала сирену «Скорой помощи».

* * *

Сквозь испуганный, приглушенный Сашкин голос пробивался вой сирены, Артур расслышал его:

— Это к вам «Скорая»?

Она ответила не сразу, видимо, обернулась, чтобы убедиться:

— К нам. Быстро приехали!

— Спроси, куда его увезут. Ивашин выяснил фамилию и прочее?

— Да-да, Никита все записал, — ответила она скороговоркой. — Ты скоро приедешь?

— Уже спускаюсь к машине. — Артур действительно в этот момент сбегал по лестнице, на ходу надевая плащ.

Сашка пискнула:

— Скорей! Я просто в ужасе.

И отбила звонок.

Ступени летели навстречу и за его спиной ускользали вверх. А мысли закручивались вихрем: «Человеческий скаल्प? Откуда он взялся? Сашка не паникерша... Но могла ошибиться. Где она видела скальпы?»

Но то самое чутье, которому Логов привык доверять, подсказывало: девочка не ошиблась. Запах крови говорит сам за себя. Конечно, она может оказаться не человеческой, но кому и зачем нужно было создавать подделку? Чтобы пацанов напугать до дрожи? Игра не стоит свеч... Была иная цель. Это в случае, если скаल्प искусственный. А если настоящий?

По дороге Артур пробил сводки: оскальпированного трупа за последний месяц в Москве не находили. Он сделал в памяти зарубку позднее поднять сведения из соседних регионов, хотя в Подмосковье вряд ли встречались кровожадные индейцы... Сашке вроде бы ничто не угрожало, да и Никита находился с ней рядом, но сердце у Логова было не на месте.

Он попытался перенаправить тревожные мысли на помощника: надежный парень и с головой, Логов уже не раз поблагодарил судьбу и своего начальника Разумовского, что подсунули ему именно Ивашина. Стрелять им, к счастью, не часто приходится, а некоторым и вовсе никогда, так что и с одним глазом работать можно. Внешне-то ничего не заметно, хороший протез парню сделали... Зачем он вообще общается каждому встречному, что у него нет левого глаза?

Навстречу попалась машина «Скорой», и Логов подумал, что это, возможно, та самая — увозит по-

страдавшего мальчишку, сброшенного с высоты неподдельным ужасом. Артур так и не понял, откуда тот свалился: Сашка бормотала что-то сначала про парк, потом про корабль...

«На месте разберусь!» — отмахнулся он.

Лишь бы позвоночник у пацана остался цел! Хотя черепно-мозговая травма — тоже еще та радость... Сам Логов, к счастью, не перенес ни того, ни другого, только пулю в ногу получил, хорошо хоть выше колена... Но с тех пор чаще ездил на машине.

Оставив «Ауди» у входа в маленький парк, не выдерживавший конкуренции с раскинувшимися неподалеку угодьями ВДНХ и потому безмолвно зараставший светящимся на солнце подлеском, Артур набрал Сашкин номер:

— Вы в каком месте?

— На детской площадке, — четко отрапортовала она. — Там, где корабль.

«А... Вот что за корабль!» — Сашке он не признался, что сперва решил, будто она бредит со страха.

— Иду, — бросил Логов и убрал трубку.

Раз корабль вполне реальный, то и скальп может оказаться настоящим. А значит, это убийство, совершенное с особой жестокостью, как раз по его части...

Сашку он заметил издали, хотя, с ее ростиком, она легко терялась среди подростков. Их Ивашин не отпустил, молодец... Хотя какие с них возьмешь показания, что они видели, эти до дрожи перепуганные дети? Куда только обычная дерзость подевалась... То же самое расскажут и Сашка с Никитой. Но следствию нужны независимые свидетели, помощник это знал.

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

«На всех детских площадках установлены камеры, — припомнил Артур, направляясь к холодно поблескивавшему кораблю. — Это значительно облегчит работу. Если, конечно, наш хитроумный индеец не позаботился обо всем заранее...»

Он позаботился.

Это Логов понял, как только подошел достаточно близко, чтобы разглядеть белый пакет, нахлобученный на камеру. Его ручки были накрепко связаны узлом, чтобы не сдуло ветром. Если только потенциальный преступник проделал это не ночью, кто-то из прохожих мог обратить внимание. Нужно искать свидетелей...

Сашка уже подбежала и перехватила его взгляд:

— Ты тоже заметил?

— Привет, — произнес Артур негромко, осторожно сжав ее острый локоток: «Держись!»

Подросткам, топтавшимся поодаль, только кивнул. Одинаково приоткрыв обметанные рты, они уставились на него с ужасом: настоящий коп явился! Сейчас вытрясет из них души...

Логов отвернулся, чтобы скрыть усмешку, достал латексные перчатки:

— Ну, показывайте.

Не произнеся ни слова, Сашка подошла к чему-то валявшемуся поодаль. Шагая за Логовым следом, Никита проговорил:

— Собак отгонять приходится, так и лезут на запах.

«Значит, есть запах, — отметил Артур. — Пса не обманешь...»

Присев над Сашкиной находкой, он сперва рассмотрел предполагаемый скаल्प, сделал пару фотографий, потом взял его, чтобы разглядеть получше.

— Каждый раз поражаюсь, как его не тошнит, — побормотала Сашка.

— Я все слышу, — откликнулся Артур. — Это что! Я с уже мертвой плотью дело имею... А вот как люди на скотобойнях работают? Этого мне никогда не понять.

— Вам было бы жалко коров? — подал голос Никита.

— А тебе нет?

— Я и не ем мясо...

Логов поднял голову и уставился на него с изумлением:

— Ты — веган?! С каких пор?

— Мы с вами давно не обедали вместе...

Вздохнув, Сашка отвела глаза:

— Теоретически я даже поддерживаю вегетарианство. Нет, ну правда! Как представишь слезы в глазах теленка... Ох...

— Но от хорошего гамбургера ты в жизни не откажешься, — поддел ее Артур.

— Не откажусь, — призналась она покаянно.

Никита принял вид оскорбленного достоинства, задрал подбородок:

— Это ваш выбор.

— Мальчик, мы не пытаемся тебя унижить...

— Называя мальчиком?!

— От такого старика, как я, не обидно это услышать.

— Какой вы старик?! Вам же сорок лет.

Разглядывая скаल्प, Артур произнес с трагическим пафосом:

— Я прожил много жизней. Вот с этими бедолагами... Ну что я вам скажу? Скаल्प настоящий. Это

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

настоящая кожа, а это настоящие волосы. И кровь тоже настоящая. Надо вызывать Коршуна.

— Коршуна? — удивилась Саша.

— Анатолия Степановича. Это наш гениальный криминалист.

— А, — вспомнила она. — Точно. Маленький такой хомячок... Ничуть не похож на хищную птицу...

Никита взглянул на Логова с подозрением:

— Вы это с сарказмом говорите про гениальность?

Выпрямившись, Артур понюхал перчатку:

— Отнюдь. Он действительно хорош в своем деле. Если что-то можно вытянуть из окровавленного клочка плоти, Коршун это сделает...

* * *

Через пару часов Логов уже знал, что скальп был снят с мертвого тела. Женщине было лет пятьдесят, не меньше, она страдала ожирением и себореей. Скальп сняли уже с мертвого тела, поэтому крови было не так много. А произошло это не более чем за двенадцать часов до того, как подросток нашел его на рее... Кровь не засохла за это время только потому, что накапывал мелкий дождик и скальп оставался влажным.

— Странно, что труп без скальпа так до сих пор и не обнаружен, — проговорил Логов, шаря цепким взглядом по сторонам, словно тело могло лежать здесь у всех на виду.

Коршун наставительно произнес:

— Имейте в виду, Артур Александрович, что здесь мы видим полный скальп с прилипшими к нему кусочками костной ткани. Индейцы же снимали толь-

ко волосы с макушки врага. Небольшой кружок размером примерно с серебряный доллар. Но натуральная кожа отлично растягивается. Вы в курсе? Что индейцы чаще всего и делали. Но в исключительных случаях снимали полный скальп и даже с ушами, особенно если в них были какие-то украшения, кольца, к примеру...

— Божечки. — Артур покачал головой, подыгрывая криминалисту. — Страсти какие...

— Не дурачьтесь, Логов! Я вас насквозь вижу.

— Это из фильма «Смерть ей к лицу»!

Коршун ухмыльнулся:

— Приятно знать, что вы тоже его любите...

Артур принял серьезный вид:

— Анатолий Степанович, но это же не так просто сделать, а?

Коршун сделал губами презрительное: «Пф-ф!»:

— Снять скальп? Нет ничего проще! Переворачиваете труп на живот, левой рукой хватаете врага за волосы...

— Врага?

— ...чуть приподнимаете его голову и уверенным движением отделяете кожу от черепа. Режете по кругу. Потом наступаете на шею трупа и резким движением отрываете скальп. При этом раздается звонкий хлопок...

— Вы же не судмедэксперт, Анатолий Степанович, откуда столько знаний из смежной отрасли?

— Вы сами и ответили, Артур Александрович! Отрасль-то смежная...

— Убийца мог перепачкаться кровью? — спросил Артур уже всерьез.

Коршун задумался лишь на секунду:

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— Если у жертвы был раздроблен череп, то да, безусловно. И кровь, и ошметки мозга могли прилететь ему прямо в лицо.

— И на одежду...

— И на одежду. Но не факт, что жертва умерла от черепно-мозговой травмы. Скальп абсолютно не поврежден. Кстати, индейцы иногда снимали скальпы и с живых людей.

Артур покачал головой:

— Но это не наш случай.

Хотя никаких вариантов он пока не исключал...

Никиту он уже отправил в комитет, чтобы тот за компьютер — проверить списки пропавших на сайте «ЛизаАлерт», прошерстить соцсети, поскольку в официальном розыске данных о пропаже блондинки лет пятидесяти не нашлось. Его всегда одолевали сомнения — не перенапряжет ли Ивашин свой единственный глаз, проведя несколько часов перед монитором, но раз уж парень выбрал эту профессию...

Подростков Логов допросил на месте, но толку от их показаний было мало, как и от бормотания Славки Шестакова, которого скальп сбил с мачты. Криминалисты обнаружили на ней десятки отпечатков, но все — детские, маленькие. А Славка был в шерстяных перчатках.

— Я мерзлячий, — жалобно признался он Артуру, навестившему его в больнице.

Ничего ценного к тому, что Логов и так уже знал, мальчишка не добавил. В этот парк Славка забредал нечасто, обычно они тусовались на ВДНХ, там дорожки лучше, можно на скейтах погонять. А здесь дыра на дыре... Так что, кто натянул на видеокамеру пластиковый пакет — Славка не видел.

— Зачем вообще было закидывать скальп на рею?
Саша сдвинула брови, сердясь на то, что не может с ходу разгадать замысел преступника.

— Это демонстрация. — Логов уже изнывал без порции кофе, а официант не спешил прийти на помощь.

Они встретились в кафе, вполне заурядном, зато рядом с Сашиным домом — потом добежит без приключений. С тех пор как она окончила школу, Артур не стал волноваться за нее меньше. В конце концов, Саша Каверина вообще была единственным человеком в мире, за кого Логов волновался по-настоящему. И это ничуть его не напрягало...

Так и не став отцом, Логов в глубине души признавал ущербность своей жизни, хотя особенно и не переживал по этому поводу. Тоска о детях не вписывалась в его плотный график... Как замена родного ребенка Сашка устраивала его более чем: ей уже не нужно было менять памперсы, и она даже могла сама приготовить обед. Получалось не очень, но какие ее годы!

Хотя полностью самостоятельной считать Сашку было трудно: она нигде не работала и до сих пор не определилась, чем вообще хочет заниматься в жизни. Артур убедил ее, что, помогая ему в расследованиях, девочка вполне официально и честно зарабатывает гонорар частного сыщика. Пусть и не зарегистрированного...

Сейчас Сашка смотрела на него с укоризной:

— Да понятно, что демонстрация! Ты совсем туго соображаешь без кофе? Но кому демонстрация?

И почему в парке? Подложил бы этому человеку под дверь, отправил посылкой...

— У тебя криминальный склад ума, — хмыкнул Артур. — Возможно, тот человек, которому нужно было увидеть скальп, каждый день проходит мимо этого городка. Или это даже целая группа людей... А, вот и кофе, наконец!

Худенький, бледный официант, слегка вздрогнул, услышав про скальп, и Артур снизу заглянул ему в глаза:

— Вы что-то слышали об этом?

— Нет! — испуганно откrestился он. — Вообще ничего. Просто странно в наше время слышать о... таком...

— О скальпе? — охотно подсказал Артур. — Представьте себе: не перевелись еще апачи на земле русской!

Точно кирасу, официант прижал поднос к груди:

— Я только в детстве про них читал...

— Как и все мы. Как думаете, что может заставить человека вернуться к детским фантазиям?

— Я не знаю. Может, он выжил из ума?

Логов разочарованно протянул:

— О нет... Этот парень умен. Настолько, что я пока не могу уловить ход его мыслей...

— Отстань от него, — тихо сказала Саша. — Он-то при чем?

— Точно? — Артур прищурился, и официант побледнел еще больше.

Когда Логов наконец отпустил несчастного, Саша заметила:

— Кстати, не только индейцы снимали скальпы. Геродот писал, что еще древние скифы этим грешили...

Рука Логова замерла в воздухе вместе с чашкой:

— Ты читала Геродота?

— А что такого? По-моему, у тебя было время убедиться, что я не идиотка...

— Я тоже не идиот. Но Геродота точно не читал.

— Он же отец истории! Если уж начинать, то с него.

Артур вздохнул:

— Каюсь.

— У тебя слишком много работы, когда тебе, — когда Сашка начинала жалеть его, глаза ее принимали собачье выражение. — Вот выйдешь на пенсию...

— Через четверть века! — возмутился он.

— ...обязательно почитай его «Историю». Это, кстати, первая целиком сохранившаяся книга прозы. И она потрясающе написана, это тебе не то что учебник штудировать! Такой слог...

— Обещаю. — Артур одним махом отхлебнул половину кофе.

— И вообще, Геродот был просто невероятным! Он же бунтарь — против какого-то там тирана боролся, тот его сослал... Кто помнит того тирана, да? А Геродот остался в веках.

— Напомни, как мы дошли до Геродота?

Звякнув ложечкой, которой она соскребала остатки медовика, Сашка рассмеялась:

— Он писал о скальпах, которые скифы снимали с трупов своих жертв.

— Точно! В нашем случае жертва — не очень молодая женщина. Что и кому может демонстрировать ее скальп?

Сцепившись взглядами, они замолчали на какое-то время, потом одновременно заговорили.

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— Саш, мы должны вернуться на место преступления.

— Надо посмотреть, что там рядом с парком!

— Откуда просматривается детская площадка? Не случайно же он закинул скальп на рею... Если бы скальп висел ниже, то не попал бы в поле зрения того человека, который должен был увидеть его.

Она уже вскочила:

— Пойдем же!

— Да уже темно, — остановил ее Артур. — Утром я заеду за тобой.

У Сашки раздулись ноздри:

— Нет, сейчас. Что за манера тянуть? Где-то бродит чудовище, которое снимает с женщин скальпы, а ты спокойно отправишься спать?

— Пока только с одной женщины, — пристыженно пробормотал Артур, поднимаясь.

— А тебе мало?!

Ждать официанта она не позволила, нашла наличку, чтобы не тратить время, сунула Артуру. Он положил купюру под чашку и сделал жест официанту — на чаевые там тоже хватало. Надо же было испугать то, что он напугал мальчика до смерти...

«Не надо шутить с этим словом, — одернул себя Логов. — Пусть все будут живы».

* * *

Уже зажглись желтые фонари, свет которых тепло плавал в студеном воздухе, когда мы с Артуром вернулись на детскую площадку в старом парке. Как ни странно, там до сих пор гуляли женщины с детьми, а днем их не было... Спят долго?

Пока в городке работали криминалисты, полицейские организовали оцепление, и обрывок полосатой ленты до сих пор трепетал на ветру возле качелей. В то время многие пытались проникнуть сюда, но их разворачивали. Теперь проход был открыт, и дамам было что обсудить: они сгрудились тремя группками, но время от времени кто-нибудь из них переходил от одной к другой.

— Хорошо, что ты со мной, а то еще приняли бы за педофила, — усмехнулся Артур, когда мы приблизились. — Ни одного отца... Где они вообще?

— Ты мог бы спросить об этом моего, если б он был жив.

Логов скривился:

— Вот уж не думаю, что мне захотелось бы с ним встречаться. Мне и его трупа хватило. Уж извини...

— Я и сама не рвалась его видеть. Считаю меня максималисткой, но я в жизни предателя не прощу. И моя мама была не единственной, кого он предал.

Это Логов знал и без меня — сам расследовал то жуткое дело, не знаю, зачем я об этом напомнила. Но Артур не стал тыкать меня носом, только вздохнул:

— Ты права... Ну что, начнем?

Натянув приветливые улыбки, мы приблизились к ближайшей женской стайке, и какофония голосов, одновременно звучавших на разной высоте, разом стихла. Они все обернулись к нам, и я не сказала бы, что вид у дамочек был доброжелательный.

Пожелав всем доброго вечера, Артур расцвел своей лучшей улыбкой, но ни на одну это не произвело впечатления. Сейчас они стояли на защите своих детей, что, впрочем, не заставило их увести малышек

с площадки, где еще недавно валялся скаल्प... Жадное любопытство пересилило отвращение и боязнь за самое дорогое.

Я почувствовала, что уже презираю этих сплетниц.

Показав удостоверение, Артур принялся расспрашивать: не видел ли кто из них человека, укрывшего камеру пакетом, ведь можно было не сомневаться, что именно он и притащил сюда скаल्प. И почти наверняка был убийцей.

— Может быть, вы проходили мимо вчера вечером? Или ночью... Я понимаю, конечно, что вы не гуляете в такое позднее время, вы ведь все семейные... Но вдруг кто-то из вас живет рядом? Случайно из окна выглянул?

Я попыталась вспомнить, когда в последний раз смотрела ночью из окна и поняла: никогда. Так что можно было не надеяться на их помощь... Хотя все они постепенно очаровывались улыбкой Артура и было заметно, до чего каждой из них нестерпимо хочется выделиться из толпы, помочь этому красивому человеку, сообщив нечто настолько важное, чтобы он испытал жгучую благодарность! А там, глядишь, и...

Сама ситуация их тоже явно возбуждала. Близость кровавой тайны будоражила воображение, и они переглядывались с выражением ужаса и восторга, с сожалением покачивая головами. А вот была бы удача, если б кто-то из них мог стать настоящим очевидцем!

Я уже стала опасаться, что одна из них решится выдать свои фантазии за реальные показания, лишь бы только побеседовать с Артуром наедине. Но мо-

мент был упущен... Если бы сейчас одна из них внезапно воскликнула: «Ну конечно! Я же видела его», — это вызвало бы только подозрение. Дамы оказались умнее, никто не рискнул поставить на краткую беседу с обворожительным следователем свою репутацию порядочной матери семейства. Тем более под прицелом камеры, с которой полицейские уже сняли пакет и отправили его на экспертизу...

Меня только порадовало то, что дамочки остались монолитом, а Логов был разочарован. Обведя всех своим ясным взглядом, в котором неумолимо гасла надежда, он протянул:

— Ну что ж... Благодарю, что уделили время.

Я просто кожей почувствовала, как у них зачесались руки — схватить его, удержать, чтобы еще полюбоваться таким лицом. Во взглядах, которые я ощущала на себе, сквозили недоумение и досада: «За какие заслуги этой замухрышке такое счастье?!»

Им не узнать, что Артур Логов никогда не был и не станет моим счастьем...

— Глупо было надеяться, — вздохнул он, когда мы отошли в сторону.

Я попыталась вернуть его на землю:

— Это только в кино персонажи ночами выглядывают из окна.

Но Артур уставился на меня с недоверием:

— В смысле? Я часто смотрю на луну, если встаю ночью. Встаю, конечно, не затем, чтобы в окно посмотреть...

— Я понимаю — зачем! Можешь не объяснять.

— Тебя пугают физиологические подробности? — ухмыльнулся он.

— Только когда речь идет о таких стариках, как ты...

— Ах ты, зараза! — Артур добродушно ухмыльнулся. — Ладно, что мы имеем? Точнее, не имеем... У нас нет ни подозреваемого, ни свидетелей. Даже трупа и того нет! Что это за убийство вообще?!

Недовольно оглядев площадку, пустевшую с каждой минутой, он перевел взгляд на светившиеся разноцветными пятнами многочисленные окна окрестных домов.

— Где-то там живет человек, которому предназначалось это послание... И хрен найдешь ведь! А надеяться на то, что он проявит сознательность и объявится сам...

— Типа, я разгадал тайну скальпа? Сейчас я назову вам имя убийцы!

Артур рассмеялся:

— Да уж... Дело темное.

— Да хоть лампочку наконец поменяли, — неожиданно прозвучало у меня за спиной. — А то один фонарь, и тот не горел!

Живо повернувшись к разговорчивой старушке с сумкой на колесиках, Логов легко подхватил:

— И не говорите! Я давно здесь не был, когда ее поменяли-то?

Не останавливаясь, она проворчала, лихо сдвинув на макушку вязаную шапку непонятного цвета:

— Вчера в это же время шла — тьма была кромешная.

Артур уже вышагивал с ней рядом, а я тащилась за ними следом, чтобы не пропустить ни слова.

— А как же дети на площадке играли?

— Так у них там своя подсветка! Вон, вишь, на носу корабля лампа? Спит — будь здоров!

Обернувшись на ходу, он бросил на меня восторженный взгляд, и я сообразила, что его так порадо-

вало: если корабельная лампа светила в глаза тем, кто находился внизу, они никак не могли увидеть человека, запечатавшего видеокамеру. Да он даже скальп мог при них повесить, никто и не заметил бы! Только для этого ему заранее нужно было прийти таким же вечером и оценить, насколько невидимым он останется для детей, играющих на площадке, и их родителей. А в темноте забираться на сам корабль мамы не разрешают — убиться же можно... Сегодня никто не играл на нем. Хотя теперь на него и днем вряд ли кто-то решится залезть. По крайней мере, не скоро.

Артур что-то еще выпрашивал у наблюдательной старушки, но я уже не слушала. Пожелав на прощание здоровья, он наконец-то отпустил ее и вернулся ко мне.

— Ну что, поняла? Этот парень может быть электриком!

— Думаешь, это он и сменил лампу в фонаре?

— Наверняка. И ни у кого не вызвал подозрения, хоть заодно пакет на камеру натянул... Выполняет человек свою работу, чего на него глазеть? Он мог прямо днем это сделать, на глазах у всех!

— Скальп? Он сразу его повесил?

Артур задумался:

— На его месте я все сделал бы заодно. Какой смысл несколько раз светиться? К тому же диспетчер управляющей компании мог заметить, что камера в парке перестала передавать изображение, и послать кого-нибудь разобраться.

— Только он не заметил...

— Козел, — беззлобно ругнулся Логов и вдруг опять рванул к мамочкам на площадке.

Пришлось мне бежать за ним.

Они, конечно, уже не рассчитывали увидеть Артура снова и потому прямо расцвели от неожиданной радости. И он, конечно, не разочаровал их — улыбнулся так, что у них россыпь мурашек прошла по телу, даже не сомневаюсь. Меня всегда забавляет, как он использует свою мордашу для дела... А почему нет? Я ведь тоже часто намеренно трогаю сердца людей, прикидываясь хрупкой, незащитной девочкой, когда мне нужно что-то выведать у них... Мне должно быть стыдно за это? Не думаю. По большому счету мы же боремся со злом и никому не вредим при этом!

И тут я вспомнила про наших крымчан Колесниченко. Когда я думаю, на каких руинах им теперь приходится выживать, меня подташнивать начинает. Стоило ли того наше расследование?

Артур убеждает, что нам не в чем себя винить. Мы не имели морального права оставить зло безнаказанным, какими бы мотивами оно ни прикрывалось.

Мне ничего не остается, как верить ему, иначе все теряет смысл. С подобными ощущениями Артур живет уже много лет — как это ему удастся? Насколько оправданно служение закону, придуманному людьми? Часто ли он входит в противоречие с законом Божьим? И как вообще возможно разрешить это противоречие, самому не став при этом ни преступником, ни отступником?

У меня уже было время убедиться, что служба не задавила в Артуре человеческое начало и он способен к состраданию, даже если оно толкает его самого на вещи, недопустимые с точки зрения Уго-

ловного кодекса. По крайней мере, один раз он буквально на моих глазах преступил все мыслимые нормы, поступив по-человечески... И я стала уважать его еще больше, хотя, возможно, его заклеямили бы и суд, и церковь. Не знаю. Надеюсь, там тоже хватает людей, способных к состраданию.

Я успела подумать об этом, пока Логов расспрашивал все тех же матерей, гуляющих с детьми возле проклятого корабля. Теперь Артура интересовал электрик — не видел ли кто его, не заметил ли машину? И тут ему улыбнулась удача! Правда, очень скромно...

— Точно, вчера тут меняли фонарь, — вспомнила невысокая молодая женщина, похожая на востроухого воробья.

— Лампу в фонаре, — подсказал Артур, прямо впившись взглядом в ее покрасневшее от холода лицо.

Она так смутилась, что громко шмыгнула носом.

— Ну да. Какой-то мужик в форме тут ползал.

— В какой форме?

— Да фиг его знает, — она скривила рот. —

В какой-то...

— Мужик или парень?

Ее взгляд уплыл в сторону — она силилась вспомнить.

— Вроде молодой. Ловко карабкался. Но я его со спины видела. Не, ну не то чтобы видела... Так, взглянула.

— У него было специальное оборудование?

— Вроде было...

— А машину не заметили?

С виноватым видом наша единственная свидетельница покачала головой:

— Да там полно машин стоит! Какая его — фиг знает...

— И то правда, — вздохнул Артур. — Примерно в какое время это было?

— Ну... Часов в девять? Я с родительского собрания шла. Общешкольного.

— Я уточню, — обрадовался Артур.

Хоть время прояснилось, подумала я с облегчением. И мужик в форме электрика точно был. Настоящая форма или камуфляж — еще предстоит разобраться. Но лампы в фонарях он сменил, и на том спасибо. Правда, при этом повесил на детской площадке скаल्प, снятый с убитой женщины...

Где эта женщина?!

* * *

Можно было ожидать, что ночью ему приснятся индейцы с бронзовой кожей, пытающиеся настичь его и снять скаल्प... Засыпая, Артур даже услышал стук копыт — племя мчалось на него из темноты. Он открыл глаза и понял, что это стучит в ухо сердце через согнутую руку. Никто не сотрясал воздух воинственным кличем, не угрожал копьем, пугая боевой раскраской...

И ночь прошла спокойно, без снов, о чем Артур даже пожалел наутро: в ночном мире ему доводилось пережить самые невероятные, разноцветные приключения.

На ощупь отыскав телефон, он пожелал Сашке доброго утра, не рискуя разбудить девочку, — она выключала свой на ночь, прочитает, когда проснется. Логов не мог позволить себе прервать связь с ре-

альностью, его могли вызвать в любое время суток. И все же ночью это происходило крайне редко, ведь трупы, как правило, обнаруживали с рассветом.

Сегодня никаких сообщений и звонков не было, поэтому Артур решил заехать в управляющую компанию, следившую за старым парком, и выяснить, кто из их сотрудников менял лампы в фонарях. Интуиция подсказывала, что это ложный ход и тот человек в форме вряд ли действительно работает у них электриком. Слишком неправдоподобная беспечность со стороны убийцы, способного хладнокровоно отрезать кожу с головы мертвой женщины. Не каждый рецидивист на такое пойдет...

Рядом с кафе возле дома, где Логов обычно брал кофе навынос, сегодня топтался маленький старичок в длинном пальто, выгуливающий шоколадную таксу. Собачка оказалась столь миниатюрной и изящной, что неожиданно напомнила ему Сашку, какой она была в Евпатории, загорев почти мгновенно. Ее худенькие прямые плечики так же блестели на солнце...

Он улыбнулся хозяину таксы, а тот, сделав приветственный жест, приложил пальцы к драповому берету.

— Какое утро, а? — произнес старичок мечтательно, как будто не повидал на своем веку тысячи ясных рассветов.

Но Артур не любил без нужды портить людям настроение. Ему и так приходилось это делать слишком часто... Поэтому он хватался за любую возможность порадоваться жизни, в которой все еще случались солнечные дни, когда облака походили на полоски слюды, свободно и лениво плывущей по

прозрачной голубизне. И уже от этого хотелось улыбаться.

— Чудесное, — легко подхватил он заданный тон. И попросил, уже наклонившись к собаке: — Можно погладить?

— Почему нет? Моя Марта очень дружелюбна, надеюсь, она позволит вам это... Как, Марта?

Присев, Артур заглянул в темные, немного удивленные глаза:

— Ты не против?

И мягко провел рукой от маленькой теплой макушки вдоль всего мускулистого тельца. Такса часто задышала от удовольствия.

— Вы ей понравились, — одобрительно заметил старик.

— А она крепкая!

— Это же охотничья собака, не диванная.

— Почему вы назвали ее Мартой? Она родилась в марте?

— Вовсе нет. Помните... Впрочем, вы вряд ли помните... Был такой фильм «Долгая дорога в дюнах».

— Почему же? Отлично помню, — погладив таксу еще раз, Артур поднялся. — Все, понял. Главную героиню звали Мартой, а вы были в нее влюблены.

Старый собачник ахнул, театрально откинув голову:

— Молодой человек! Вы с ходу разгадали мой секрет.

Артур рассмеялся:

— В Марту были влюблены мужчины всех поколений.

— А девушки в Артура...

— Вы не поверите, но меня именно так и зовут.

— Артур?!

— Только с ударением на втором слоге. Моя мама обожала роман «Овод».

— Боже-боже. — Старик прижал руку к сердцу. — Какое удивительное утро... Кстати, я охотно верю, что именно так вас и зовут. У вас хорошее лицо, как и у того персонажа... Не замечали? Часто красивые мужчины вызывают антипатию. А вы сразу располагаете к себе... Вы не доктор?

Артур вздохнул:

— Увы!

— С моей стороны будет очень нескромно поинтересоваться, чем вы занимаетесь в жизни? — Он склонил голову набок, совсем как его такса.

Впервые Логов почувствовал необъяснимую неловкость за то, какую выбрал профессию:

— Ловлю преступников.

— О боже... Вы — полицейский?

— Следователь.

Немного подумав, старик признал:

— Это разные вещи. Но я все равно поражен. Почему вы не стали актером? С таким-то лицом! Вы могли быть русским Аленом Делоном...

— Миру хватит и одного Делоны. А меня никогда не тянуло на сцену, даже в детстве. Все эти стишки на табуретах. — Артур поморщился. — Не мое. Мне нравилось разгадывать головоломки.

— Вы умны, — произнес хозяин таксы почти с сожалением. — Это все объясняет. Табаков, кажется, говорил, что хороший актер должен быть дураком. Нет, вряд ли Олег Павлович произнес именно это слово... Скорее, он сказал: «Глупым». Должен быть глупым. Знаете почему?

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— Чтобы слушался режиссера. Это понятно.

— А следователь должен быть умным. Как Шерлок Холмс. У вас есть свой доктор Ватсон?

Артур усмехнулся:

— Вряд ли ей понравится такое прозвище... Но есть одна девочка...

— Девочка?

— Она только окончила школу.

— А, — откликнулся старик с облегчением, — так она совершеннолетняя.

— Вы не о том подумали, — холодно остановил его Логов. — Она мне как дочь. Хотя по крови мы не родственники... Но она очень помогает мне в расследованиях. В сравнении с Ватсоном она просто гений.

Кивая на каждую фразу, тот слушал его с завороженным видом. Потом покачал головой:

— Как же рад, что мы с Мартой встретили вас этим утром... Вы сделали наш день! Вы развеяли мои сомнения в том, остались ли еще на свете благородные мужчины... Вдобавок умные и красивые. Знаете, кто вы? Современный король Артур.

Логов попытался остановить его, но старик цепко схватил его за локоть:

— Да-да, и не возражайте! Тот легендарный король ведь тоже восстанавливал справедливость. Его Круглый стол — тому примером. Странно, что ваша матушка дала вам имя не в его честь...

Застенчиво отдалившись от них, насколько позволял поводок, Марта присела под кустиком, на ее морде возникло мечтательное выражение. Артур невольно следил за ней, одновременно думая о матери, которая всю жизнь мечтала завести таксу, и о Саш-

ке, всерьез собравшейся открыть собачий приют. Вряд ли там будут породистые собаки... Таких редко выгоняют из дома.

— Это была советская эпоха. В юности мама, наверное, не читала легенды о рыцарях Круглого стола.

— А «Янки при дворе короля Артура»?!

— О, это потрясающая книга! — обрадовался Артур. — Но мне ее принес отец. Он вообще любил Марка Твена.

— А сейчас? — удивился старик. — Марк Твен из тех авторов, в которых влюбляешься в детстве и на всю жизнь.

Уже давно Артуру удавалось произносить это спокойно:

— Мои родители погибли много лет назад. Наверное, папа и сейчас с удовольствием перечитал бы «Янки...». У него было отличное чувство юмора.

— Много лет назад, — в чужих устах это прозвучало трагичнее. — Бедный мальчик... Вы ведь тогда были мальчиком?

— Скорее, юношей, — улыбнулся Артур. — Уже студентом. Я выжил, как видите.

Высокий лоб под беретом вдруг напряженно сморщился:

— А та девочка... Почему вы ей стали как отец? Родного у нее тоже нет?

— Вы тоже очень проникательны, — признал Логов. — Она такая же сирота, как и я. Наверное, еще и это роднит нас. Она потеряла родителей в том же возрасте. У нее теперь только я... Коллега. — Он взглянул на часы: — И мне пора будить ее. Нас ждет непростое расследование.

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

Отступив, старик произнес почти благоговейно:

— Храни вас бог, Артур. И вас, и ту девочку... Знаете, я в жизни видел разные союзы. И не всегда самыми близкими людьми становятся супруги. Или родители и дети. Возможно, вы с этой девочкой останетесь вместе на всю жизнь.

Артур пожал его сухую холодную руку:

— Спасибо. Но я все-таки надеюсь, что она найдет свое счастье. И надеюсь, что мы с вами еще увидимся у этой кофейни! Каждое утро я покупаю здесь кофе.

Напоследок улыбнувшись старику, он потрепал мягкое ушко Марты и унес ее тепло с собой.

Больше Артур никогда не встречал их... А завидев на улице таксу, каждый раз с сожалением думал, сколько людей проходит сквозь нашу жизнь и не возвращается. Но некоторым из них удается оставить след, глубокий настолько, что в нем годами скапливается живая вода, позволяющая нам жить и верить, будто мы это делаем не впустую...

* * *

Побледневший менеджер управляющей компании уставился на Логова круглыми глазами. В них мигало: «SOS! Следственный комитет!» Артуру почудилось, будто Сашка хихикнула за его спиной.

— Вот только-только, — пролепетал менеджер. — Минут пять как уехали.

Артур взглянул на его бейджик:

— Михаил, я правильно понял, что девятого сентября никто из ваших сотрудников не менял лампы в фонарях? Говорите как есть, не пытайтесь угадать ответ, который меня устроит.

Парень лишь мотнул головой. Длинная шея его беспомощно дернулась, вытянувшись из белого воротничка. Артур улыбнулся ему почти ласково:

— А что, никто из жителей не жаловался?

Со свистом втянув воздух, Михаил принялся оправдываться:

— Заявка поступила третьего... Сентября. Но сначала автокран был занят на других участках. Потом электрик заболел... Время гриппозное.

— И не говорите, — подхватил Артур. — До того опасное, что волосы с головы срывает вместе с кожей...

Менеджер задохнулся:

— К-какие волосы?

— Светлые, — успокоил Логов. — Не как у вас и у меня. Только не говорите, что не слышали, что вчера на детской площадке парка, который вы обслуживаете, нашли скаल्प. Человеческий.

— Я думал, это очередная страшилка...

— Нет, что вы?! — вмешалась в разговор Сашка. — Настоящий скаल्प. Я тоже его впервые увидела. То еще зрелище...

— Перед тем как повесить его на рее кораблика, убийца надел на камеру пакет, а после вставил лампу в фонарь. Думаю, именно в таком порядке... Как вы считаете, эти разнонаправленные действия нейтрализуют друг друга?

Нервно моргнув, Михаил громко сглотнул:

— Что?

— Шучу. Давайте-ка с вами проверим, до какого часа камера в парке еще работала.

Выяснив, что позавчера запись велась до двадцати двух часов пятнадцати минут, Логов распорядился:

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— Позвоните вашему электрику, пусть ждет меня в парке.

Проверять, набирает ли менеджер номер, Артур не стал. Этот парень не выглядел дерзким настолько, чтобы послушаться...

— Ну ты даешь, — давясь смехом, проговорила Сашка на ходу. — Как он жив остался?

— Это все моя корочка, — пожаловался Артур. — Она пугает людей до смерти... А сам-то я — вполне милый парень!

— Бываешь... Иногда.

— Ладно тебе. Ты же меня не боишься? Не считаешь страшным копом?

В этот момент они подошли к его машине с разных сторон, и Сашка уже хотела открыть пассажирскую дверцу, но остановилась и серьезно посмотрела на Артура поверх крыши.

— Знаешь, что я думаю о тебе на самом деле?

Он замер:

— Опасаюсь услышать...

— Было бы классно, если б на Земле было как можно больше людей, похожих на тебя.

Его отпустило:

— О как? Спасибо. А с чего это все меня сегодня расхваливают? Может, я чего-то не знаю о себе? У меня рак?

— Тьфу на тебя! — рассердилась Сашка. — Болтаешь всякую чушь...

Но сев в машину, не удержалась:

— А кто еще тебя хвалил?

Артур улыбнулся во весь рот:

— Ревнуешь? Не бойся, это дедушка, а не девушка. Милый такой старичок в беретике и с таксой...

— Таких уже не осталось! — не поверила она. — Когда я была маленькой, такие, в беретиках, играли в шахматы на скамейках... Мама рассказывала, что я обожала болтать с ними. Можешь себе представить? В три года я еще не была социопаткой!

— Социопаткой, — проворчал Логов. — Насмотрелись «Шерлока»...

Сашка подмигнула:

— Ревнуешь?

И не дождавшись отклика, вернулась к старичку:

— Значит, одного такого дедушку ты откопал. Повезло!

— Наверное, последнего... Он здорово поднял мне настроение еще до кофе.

— Что может поднять настроение до кофе?!

— Беседа с хорошим человеком. Теплая собачья голова. Маленькая такая...

— Ты не врешь? Где ты его нашел?

Артур с сомнением приподнял плечо:

— Может, это он меня нашел?

Коренастый электрик, слегка похожий на Чарльза Бронсона, только без ковбойской шляпы, похоже, нервничал — без усталости сжимал в руке резиновое кольцо-эспандер, Артур таких уже сто лет не видел. Но это могло ничего не значить, мало кому удается сохранить невозмутимость, когда им интересуется Следственный комитет. «Бронсон» пытался: взгляда голубых глаз с характерным прищуром не отводил, и широкий рот еще больше растянул в сдержанной улыбке. Логов оценил то, как электрик старался, но лучше бы сказал что-то важное...

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— Откуда ж мне знать, кто тут шустрил? Мне только этим утром наряд дали. Я ни сном ни духом.

— Чар... Как вас зовут на самом деле? — Логов перехватил смеющийся Сашкин взгляд.

— Анатолий Сергеевич. Агишев.

«Татарин, — машинально отметил Артур. — Со всем не ковбой... Хотя почему? Как они говорят: “Я — татарин, значит, я люблю лошадей”. О чем я? При чем вообще здесь лошади?!»

— А работа правильно выполнена? — переключился он. — Вы как оцениваете?

Электрик оглянулся на фонарь, словно тот мог пожаловаться ему.

— Нареканий нет. Парень знает свое дело. Протяжку всех внутренних контактов сделал. Когда закрывал светильник, резиновые прокладки аккуратненько установил.

— А они для чего?

— Ну как? Прибор защищают от пыли, влаги... Чего там еще? Без них быстро сдох бы. Потом вот — заземление в порядке, видать, проверил. Так что все как положено.

— То есть работал профессионал? На ваш взгляд...

Поджав губы, Агишев поразмыслил:

— Как есть — наш брат...

На всякий случай выяснив, где сам Анатолий Сергеевич находился за два часа до полуночи, — «Сериал с женой смотрели по телику. Могу пересказать!» — Артур отпустил его. Еще раз измерил взглядом железную мачту:

— Это явно молодой мужчина, довольно ловкий, который работает или раньше работал электриком.

Он не дурак, потому что позаботился о том, как бы не наследить...

— И он крайне жесток, — добавила Саша.

— По-твоему, снять скальп с трупа — это жестоко?

— Вообще-то он сначала убил эту женщину...

— Ну да. Немолодую и полную, которая явно не могла убежать от него. Согласен, жестоко. Как и любое убийство...

Артур обвел взглядом дома, окружавшие парк, и вдруг настороженно прищурился:

— А это что за здание? Вон то, видишь? Только верхний этаж торчит из-за деревьев.

— Это же психушка.

— Психушка? А это интересно... По крайней мере, сразу возникают версии.

— Врачи-убийцы? Медбрат, замучивший несчастную шизофреничку?

— Как вариант, — одобрил он и подмигнул. — Друг мой Сашка, а не наведаться ли нам в психиатрическую больницу? Как у тебя с головой?

Она съязвила:

— Не очень, раз я таскаюсь с тобой по холоду вместо того, чтобы найти нормальную работу на удаленке и зарабатывать собачкам на корм.

— Там не будет ни одной таксы, — грустно откликнулся Артур.

— С чего ты вдруг о таксах?

— Встретил одну утром... С тем старичком в бетонке.

— Как ми-ило, — пропела она и показала язык.

— И Моники у тебя тоже не будет.

Продолжая дурачиться, Сашка протянула тоненьким жеманным голоском:

- Мужчи-ина, вы такой стра-анный!
- Дурочка, — он по-свойски обхватил ее за шею. — Пошли кофейку выпьем, а то я сейчас начну рычать и кидаться на людей.
- Такого не бывает!
- Ты меня плохо знаешь. Заодно обдумаем план действий. Я видел кафе через дорогу.

* * *

О, что это оказалось за кафе! Почему мы с мамой ни разу в него не заглядывали? Ее ведь тоже заводил стильный твист Умы Турман и Траволты в «Криминальном чтиве»... А тут их легкие, утонченные изображения змеились по всем стенам, будто мы попали в причудливую, витиеватую реальность Тарантино. Здесь было тепло, пахло корицей и кофе. Мама любила эти ароматы...

— Очуметь, — отозвался Артур, оглядевшись. Глаза его так и засветились от восхищения. — В таком месте тянет перейти на сторону зла — такое уж оно симпатичное...

— Миа — вовсе не зло, — возразила я. — Разве она кому-то причинила вред?

— Ну, подергаться-то заставила!

— Когда ей адреналин в сердце кололи? Ну да-а... А ты знаешь, что эту сцену в фильме показывают в обратном порядке? На самом деле шприц выдерживали, а не всаживали ей в грудь.

Артур вздохнул:

— Кругом обман...

— А больше-то она ничего плохого не делает... Винсент-то, конечно, гангстер, но тоже весь такой милый бегемотик.

Мы уселись с нашими чашками в самый угол, чтобы обзор был побольше, и несколько минут просто пили кофе — Артур, как обычно, двойной эспрессо, а я капучино — и разглядывали рисунки, фотографии и виниловые диски, украшавшие стены. Мой локоть вдруг ощутил тепло маминой руки, к которой я прижималась, когда мы вместе смотрели этот грандиозный фильм. И умирали со смеху над парочкой Тима Рота и его нелепой подружки, решивших стать грабителями не в то время и не в том месте...

Наверняка мои учителя осудили бы маму за то, что она показывает ребенку фильм, в котором слово «fuck» звучит около трехсот раз, но к тому времени, когда я подросла, тарантиновский шедевр давно причислили к новой классике, и мама, видимо, решила, что девочку, читающую наизусть Блока и Гумилева, одной циничной байкой о часах в заднице вьетнамского ветерана не испортишь.

И она была права, раскрывая мне многообразие этого мира, но в лучших его образцах. Невозможно прожить, совершенно избежав соприкосновения с грязью, но пусть неизбежную дозу кокаина занюхает на экране Миа и чуть не сдохнет от этого на твоих глазах, чтобы адреналин, который вкололи ей прямоком в сердце, навсегда стал твоей прививкой от желания попробовать... Мне уж точно ни разу не захотелось рискнуть. Мама знала, что так и будет?

— Ну что, молочный коктейль за пять баксов?

Я даже вздрогнула, когда голос Артура заставил мое теплое видение мгновенно померкнуть и растаять. Не знаю, что было в моем взгляде, но лицо у него так и вытянулось...

— Что? — тихо и уже не так весело спросил он.